

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА» 6 января 1995 года, 6-я стр.

ВЫСТАВКА НЕДЕЛИ

«В восемнадцатом веке чудно жили человеки...»

Моск. правда. — 1995. — 6 янв. — с. 6.

В Центральном доме художника в канун Нового года галерея «Крымский вал» открыла выставку Евгения Мони́на, заслуженного художника России, живописца, графика, оформившего более 100 книг. Работы его хранятся в музеях России, в том числе в Третьяковской галерее и ГМИИ имени Пушкина, а также в собраниях и музеях Германии, Польши, Словакии, США, Франции, Чехии, Японии.

ла. Поэтому «маскарад под XVIII век», как называет Е. Монин свое творчество, продолжается. Но, как умный и веселый человек, он понимает, что говорить о былых временах слишком уж всерьез сегодня невозможно. И в этом он — не первый. Еще Макс Линдер в начале века понимал, что делать серьезно фильм, скажем, о трех мушкетерах, уже нельзя, и сделал веселую пародию. И когда в начале 70-х годов кто-то, кажется, «Мосфильм», решил сделать «на серьезе», «на надрыве» стивенсоновский «Остров сокровищ», получилась ужасная нудь... Вот почему Евгений Монин изобрел свой собственный XVII-XVIII век — блестящий, ироничный и уморительно смешной. Его многочисленные картины на эту тему — это тонкая пародия, ироническая стилизация под искусство Западной Европы XVII-XVIII вв. — Испании, Франции, Фландрии, Голландии... Воины, красотики, бюргеры, короли с полотен Вермеера, Франца Хальса, «малых голландцев», Ватто

вновь живут на полотнах российского художника странной, бурлескной жизнью. Великолепны сами названия картин Мони́на, например: «Портрет дамы, с трудом разбирающей почерк офицера»; «Портрет офицера, снявшего сапог»; «Портрет офицера с горящими ушами». Или еще хлеще — «Портрет господина, гордящегося своим гюльфиком». Хороши эти офицеры — важные, надутые спесью и гонором, с огромными усами, сапогами, шпагами, эта-

кие Портосы, но без обаяния, которым обладал добродушный гигант из романа Дюма. Под стать им и дамы — пышнотелые, жеманные и глупые. Все картины невелики по размерам — чуть больше ладони, но тщательно выписаны, отлакированы и удивительно красивы по колориту (к сожалению, в черно-белом воспроизведении пропадают мягкие переливы зеленого, оранжевого, красного, синего, причем в каждой из картин преобладает один из цветов). Картины собраны в своеобразные «букеты» — циклы: «Короли», «Барокко», «Малые голландцы», «Немецкие пословицы». В особый цикл выделены озорные графические парфразы латинских пословиц, которыми щеголяли тогдашние Арамисы. Так высокопарное изречение «Feci quod potui, faciant meliora potentes» («Я сделал все, что мог; кто может, пусть делает лучше») превращается в изобращение опять же злополучного офицера, с петушиной гордостью выходящего из спальни знатной дамы... Добиваясь наибольшего художественного эффекта, художник включает в свои полотна то кусочек парчи, то лепные носы и груди, а в портрет господина с гюльфиком вlepил настоящую раковину.

Но еще уморительнее, еще смешнее картинки, посвященные нашему родимому, сермяжному российскому XVIII веку! Когда смотришь на них, на ум приходит, конечно же, незабвенный Козьма Прутков с его знаменитыми

военными афоризмами, историческими анекдотами, сенсациями с их мнимой глубиной, ломлением в открытую дверь. Есть и почти прямые соответствия. Так, иллюстрация к немецкой пословице «Лучше маленькая рыбка на столе, чем ничего» приводит на память историю о контр-адмирале, устроившем званый прием и в разгар торжества воскликнувшим: «Господа, кто две мои кильки взял?» Вереницей проходят перед нами родимые митрофанушки, которых петровская дубинка заставила напялить парики и треуголки и ехать в дальние

страны набираться ума. И вот, широко раскрыв рты, глядят рязанские, калужские и коломенские петиметры на дебелую, толстозадую Венеру, вознившую из сильно поредевшей морской пены на пути в Европу («Рождение Венеры»). А как хороши галантные сцены — «Большая любовь», «Галоп», «Сладкая жизнь», где нахватавшиеся уже европейского лоска кавалеры «любясь» со своими толстомордеными румяными дунями и катюшами, дождавшимися своих возлюбленных из-за моря... Как говаривал старик Сумароков: «Если девушки — метрессы, бросаю мудрости умы; Если ж девушки — тигрессы, станем тигры так и мы...»

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На фото: «Портрет дамы, с трудом разбирающей почерк офицера»; «Портрет офицера, снявшего сапог»; «Рождение Венеры»; «Галоп».

Знаменитый ювелир Карл Фаберже тонко заметил однажды, что каждый век делает своим идеалом нравы, обычаи, культурные стили, существовавшие двумя веками ранее. Так, XIX век «млеял» по XVII — архитектурному «узору», братинам и боярам. А наш, клонящийся к закату XX, считает для себя образцом изящества и галантности век XVIII. Отсюда интерес к мемуарам людей той эпохи, запоздалая эпопея о Гардемаринах в прозе и кино, воспроизведение форм вещей XVIII века в современной бронзе, фарфоре, серебре... При этом нарочито оставляется «за скобками» все мрачное — кровавая эпопея пугачевщины и не менее кровавое ее подавление, Французская революция и ее эксцессы... По сути дела, речь идет о своего рода уходе от действительности, бегстве в вымышленный мир без бед, безоблачный и красивый. Ничего постыдного в этом нет — от нашей сумасшедшей жизни сегодня хочется бежать куда угодно, не только в XVIII век...

Творчество Евгения Мони-

на — это многолетние поиски душевного равновесия, тоже бегство от действительности, начавшееся давно, еще даже до «застойных» времен. Впрочем, оказалось, что и в нашем демократическом «сегодня» надобность в тихой обители для души отнюдь не минова-

